

А.А. ПЕЛИПЕНКО

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СМЫСЛОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация: Статья знакомит читателя с основными положениями смыслогенетической теории культуры, и в особенности, с медиационной парадигмой. Последняя раскрывает механизмы сопряжения и взаимодействия культуры как эволюционирующей системы с её материнскими системами физической и биологической. Тезисно поясняются ключевые понятия интенции, смысла, психосферы и ряд других. Особое значение приобретает понимание запредельного мира не как условного представления, как это трактует традиционная наука, а как особого рода реальности.

Abstract: The article introduces the basic statements of meaning-genetic theory of culture, focusing on mediation paradigm. It reveals the mechanisms of coupling and interaction of culture as an evolving system with its parent physical and biological systems. The author briefly introduces the key concepts of intention, meaning, psycho-sphere, etc. Specific significance is given to an understanding of the transcendental world not as a conventional notion, as it is treated by traditional science, but as a special kind of reality.

Ключевые слова: медиация, интенция, смысл, эволюция, психосфера, когеренция, трансцендентное.

Keywords: mediation, intention, meaning, evolution, psycho-sphere, coherence, transcendental.

Аргументировано изложить квинтэссенцию смыслогенетической теории в короткой статье не представляется возможным. Остаётся ограничить задачу экспонированием самых общих тезисов, почти полностью опуская систему обоснований.

Решая задачу связывания в общем контексте эволюции Культуры¹

Пелипенко Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник МПСУ (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru.

¹ Двойное употребление термина *культура* с большой и маленькой буквы вызвано нежеланием ввязываться в спор со сторонниками локалистского и «номиналистического» подходов, убеждённых, что «культуры вообще» не существует. Смыслогенетическая теория

психического/ментального и исторического начал, смыслогенетическая теория выдвигает *медиационную парадигму*, в русле которой интерпретирует коэволюцию имманентного развития человека как культурного существа и его «внешнюю», коллективную историю – историю системно-институциональных структур. Интерпретация эта основана на обращении к сферам, традиционно не относящимся к гуманитарно-историческим наукам: прежде всего к современной квантовой механике (КМ) и приложений её выводов к таким срезам реальности, как космологический, биологический, нейрофизиологический и психический². При этом особую важность приобретает обоснование двух ключевых теоретических положений. Это концепты онтологического статуса так называемого *запредельного мира* и концепт *полевых свойств* Культуры как системы вообще и каждой локальной культурно-исторической системы в частности. Здесь, однако, как уже было отмечено, обо всём этом придётся говорить постулативно.

Перечислю важнейшие принципы и установки смыслогенетического подхода.

– Культура – не инструмент или способ решения человеком своих адаптационных или иных задач, а саморазвивающаяся система, встроенная в эволюционную пирамиду универсума,

– мир, который в КМ называют *имплицативным* (термин Д. Бома) – ИМ, в философии – *трансцендентным*, в ненаучном обыденном употреблении – *запредельным* (тонким, параллельным и т.п.) – есть не фикция ума, лишённая онтологии эпистема или мифологический образ, а *реальность*, хотя и не данная человеку в непосредственном восприятии. Характер взаимоотношений между этой реальностью и сознанием не описывается с помощью субъект-объектных диспозиций и механистического понимания онтологии,

– структурной единицей и первичным элементом-носителем всякой культуры выступает *смысл*. Смыслообразование – продукт особого психического режима, обусловленного самонастройкой нейродинамической системы/психики в ответ на вызовы *эволюционной болезни* антропогенеза. Способность порождать смыслы качественно отличает человека от животного. В этом – ответ смыслогенетической теории на «антропологический казус» современной науки (прежде всего, этологии), ретуширующей качественную границу между человеком и животным,

исходит из того, что существование локальных культурных систем (ЛКС) не только не исключает, но и с необходимостью предполагает наличие не только умозрительного понятия *культуры вообще*, но и самого соответствующего объективного феномена.

² Подробное развитие этой заявленной темы см.: *Пелипенко А.А.* Постигание культуры. Ч. 1. Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2012. – 607 с.

– как и любые вовлечённые в процесс эволюции системы – неорганическая и живая, Культура/культуры обладает *полевыми свойствами* и способностью к *нелокальным взаимодействиям*. Субстратом – первичным сетевым элементом культурного поля является сфера человеческой ментальности,

– культура обладает имманентной субъектностью. Притом, что носителем культуры является человек, принципы её самоорганизации не зависят от последнего и не выводятся из его сознания и жизненного мира,

– историческая эволюция понимается как последовательная и направленная смена как локальных культурных систем (ЛКС), так и макро-систем. В основе этих изменений лежит имманентные трансформации ментальных конфигураций и, соответственно, типов человека как культурно-исторического субъекта. При этом тип ментальной конституции человека и тип культурно-исторической организации находятся меж собой в отношениях сложной корреляции. Из этого положения, суть которого будет разворачиваться в последующем тексте, вытекает ряд частных методологических установок:

А. В реконструкции исторических форм смыслогенетическая теория придерживается принципа восхождения от когнитивных схем – к ментальным структурам, и от них – к социокультурным практикам и, наконец, к отдельным культурным феноменам. Таким образом, постижение культурной реальности разных исторических эпох достигается на основе реконструкции *когнитивных схем* соответствующего исторического субъекта;

Б. Нелинейность эволюционного процесса не отрицает его общей направленности и принципа детерминизма. Иное дело, что само понимание детерминизма требует определённого переосмысления. Для описания эволюционной нелинейности вводятся эпистемы *диффузной причинности и переменного доминирования смыслов*;

В. Категорически отвергается экзогенетический перекоз³ в объяснении культурно-исторической динамики; большее значение придаётся акцентируя автоморфическим факторам;

Г. Разнообразии культурно-исторических форм не отрицает генеральной макроэволюционной направленности развития Культуры, но полностью опровергает классическо-эволюционистское положение о том, что все народы в своём развитии проходят одинаковые стадии⁴;

³ Речь идёт о разнообразных вариациях энвайроментальных теорий, экологического детерминизма и вообще любых культурогенетических представлений, связанных с тойбинанской формулой «вызов и ответ».

⁴ Притом, что эволюционистско-прогрессистская парадигма – уже далёкая история науки, и защитников у неё сейчас наберётся немного, она крепко въелась в научное подсознание, подспудно определяя идейный строй исследовательского дискурса.

На этом основании категорически отвергается идея культурно-антропологического единства человечества⁵ и сам концепт абстрактного «философского» человека.

Остаётся добавить, что смыслогенетическая теория отказывается от формулирования своих методологических оснований в архаической дихотомии *идеализм – материализм*⁶. Об этом не стоило бы даже и говорить, если бы не традиция безосновательного увязывания эволюционизма как такового с материалистическим мировоззрением⁷.

Размежевание с некоторыми привычными установками не означает, разумеется, что исследование культуры начинается с *tabula rasa*. Напротив, опыт самых разных направлений привлекается максимально широко, а некоторые тезисы могут даже послужить девизом. Например: «Открытие законов развития культуры – вот конечная цель антропологии»⁸. Столь же определённо и согласие и с идеями Л. Уайта о том, что культурная эволюция представляет собой закономерный процесс, и что культуры – суть системы и, «чтобы понять культурные системы как частности, нужно иметь представление о системах вообще»⁹. Иное дело, что и законы развития культуры, и культурную системность, смыслогенетическая теория понимает по-своему. И хотя принцип системности, переносимый познавательный интерес с предметов как таковых на их взаимосвязь¹⁰, в полной мере принимается, само понимание *культурной системы* в русле смыслогенетического подхода достаточно своеобразно.

Также представляется принципиально важным стремление избежать трёх пар крайностей:

– абстрактного философского спекулятивизма и узости предметно-эмпирического фактографизма или, иначе говоря, избегать крайностей как номотетики, так и идеографии.

– утилитаризма и «спиритуализма»,

– механистического рационализма и паранаучного мистицизма.

⁵ Дополнительную аргументацию этого положения, основанную на современных палеогенетических открытиях намеренно оставляю в стороне.

⁶ Притом, что для философии, эта дихотомия утратила свою актуальность и эвристичность ещё в прошлом веке, она всё ещё имеет хождение в науках предметных: археологии, цивилизационном анализе, социальной истории, антропологии и др.

⁷ Не случайно подход, основанный на эмпиризме и имманентном развитии утилитарно-экономических факторов, часто называют эволюционно-материалистическим.

⁸ Steward J. Cultural Casuality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilization // *American Anthropologist*. – Vol. 51. – 1949. – P. 2.

⁹ White L. A. The Science of Culture. – N.Y. – 1949. – P. 15.

¹⁰ См. об этом: Hole F., Heiser R., Prehistoric Archeology. *A Brief Introduction*. – N.Y., 1977. – P. 361.

Окончательное «оукливание» философии и превращение её в собственную историю, ниспровержение всякой метафизики, увенчанной как правило если не теологическим «образом и подобием», то весьма самонадеянным антропоцентризмом, было в условиях последних волн естественнонаучных открытий и кризиса спекулятивизма более чем закономерно. Философы, увлечённые построением своих воображаемых миров, махнули рукой на неподатливые факты, а предметные науки в ответ махнули рукой на философию. Но «сдвиг парадигмы» (в куновском смысле).

Д. Отказ от крайностей абстрактно-спекулятивного антропоцентризма обернулся уходом в другую крайность – позитивистскую и, в частности, биологизаторскую. Не обременённая философскими интересами когорта учёных-эмпириков, в основном естественников: биологов, генетиков, этологов, а также палеопсихологов, археологов и др. на разные лады смакует незатейливые мысли вроде той, что Вселенский Разум, если допустить что он существует, вряд ли может хоть чем-то походить на разум, который в силу прихотливых эволюционных обстоятельств развился у прямоходящих обезьян, живших в маленьких сплочённых популяциях в районе Восточно-африканского рифта. Иными словами, «эволюционный паспорт» человека выдан не в торжественной обстановке Вселенским Разумом, согласно его (Разума) высшей воле и заранее составленным планом, а представляет собой эклектическое нагромождение кое-как подогнанных друг к другу и отнюдь не оптимально работающих программ, т.е. тем, что называется выразительным английским словом *клюдж*.

Итак, в основе медиационной парадигмы лежат несколько ключевых постулативных положений.

Е. Самым фундаментальным дуализующим принципом во Вселенной является принцип разделения миров на квантовый (имплицитивный – ИМ, потенциальный – свёрнутый и физический – эмпирический, эксплицитный, развёрнутый). Миры эти находятся в отношениях взаимной корреляции; первичным же по отношению к ним обоим выступает феномен *интенциональности*.

Последний – не теоретическая выдумка. Он имеет прямое подтверждение в теории суперструн. «...В соответствии с теорией суперструн каждая частица составлена крошечной нитью энергии, в несколько сотен миллиардов раз меньшей, чем отдельные атомные ядра (намного меньше, чем мы можем в настоящее время исследовать), которая имеет форму маленькой струны. И точно так же, как струна скрипки может вибрировать различными способами, каждый из которых создает различные музыкальные тона, нити теории суперструн также могут колебаться различными способами. Но эти колебания не производят различные музыкаль-

ные ноты; поразительно, теория утверждает, что они производят различные свойства частиц. Крошечная струна, вибрирующая одним образом, будет иметь массу и электрический заряд электрона; в соответствии с теорией такая колеблющаяся струна будет тем, что мы традиционно называем электроном. Крошечная струна, вибрирующая другим образом, будет иметь все необходимые свойства, чтобы идентифицировать ее как кварк, нейтрино или любой другой вид частицы. Все семейства частиц унифицируются в теории суперструн, поскольку каждая появляется из различных колебательных состояний (мод), осуществляемых одним и тем же лежащим в основании объектом»¹¹. Но интенции не равны суперструнам. Последние — лишь один из их физических модусов.

Фундирование понятия *интенции*, смысловыми проекциями/коррелятами которого в зависимости от контекста выступают понятия *направленности*, *энергийности*, *излучения*, *эманации*, требует введения в оборот категориальной пары: *интенция и форма*. *Интенция* — вектор, энергийная нацеленность на «вызывание», извлечение, распаковку из ИМ той или иной эмпирической определённости — *таковости*. *Форма* — развёрнутая, ставшая явленностью этой определённости, её онтологический слепок в пространственно-временном континууме¹². Отсюда — двойственная природа всякой формы: будучи слепком, проекцией интенционально-энергийного вектора, она сохраняет восходящую к квантовым уровням причастность к нелокальным полевым процессам и взаимодействиям, т.е. к всеобщему, холономному, универсальному. Но при этом, границы формы фиксируют её единичную конфигурацию и локализуют в пространственно-временном измерении. Поскольку часть квантовых полей всякой вещи всегда остаются скрыты, нелокальны и не проявлены, то уместно говорить о *двойной онтологии* всего сущего: помимо локальной эмпирической, имеет место и трансэмпирическая, «запредельная». Последняя способна в разной степени проявляться в человеческой перцепции¹³: от образов «чистых» квантовых энграмм, до проекций частично материализованных психических матриц¹⁴.

Физическим показателем (единственным?) степени проявленности/локализации любого рода феномена сможет служить мера *квантовой запутанности*.

¹¹ Brian R. Greene. *The fabric of the cosmos: space, time and the texture of reality*. — N.Y., 2004. — P. 23.

¹² Возникает повод вспомнить гегелевское определение качества как *непосредственно тождественной бытию предмета определенности*.

¹³ Сознательно не пишу «в сознании», поскольку перцепции такого рода поступают в психику, главным образом, по каналам бессознательного.

¹⁴ Термины энграмма и психическая матрица см. в *Пелипенко А.А.* Указ. соч. Гл. 3.

«Величина квантовой запутанности обычно условно измеряется от нуля до единицы. Этот параметр квантовых систем и определяет степень связанности отдельных локальных частей. Например, для слабо связанных друг с другом квантовых фрагментов мира мера запутанности стремится к нулю. В противном случае, если система составляет единое и неразделимое целое, мера запутанности стремится к единице. В принципе разделить квантовую структуру на строго независимые субструктурные фрагменты можно лишь в том случае, если она изначально находилась в незапутанном, сепарабельном (допускающем разделение) состоянии при мере запутанности, равной нулю. Это можно сделать только для квантовой системы, отдельные фрагменты которой никогда не вступали во взаимодействие друг с другом.

Легко предположить, что величина запутанности зависит от интенсивности взаимодействия квантовых систем с окружением.

Управляя взаимодействием с окружением, можно манипулировать мерой квантовой запутанности между составными частями системы. Например, замкнутая система может находиться в максимально запутанном состоянии и не иметь внутри себя локальных (классических) составных частей (подсистем). Но если она начинает взаимодействовать с окружением, мера запутанности между её подсистемами постепенно уменьшается и они «проявляются» в виде локальных объектов (Курсив мой. — А.П.). При наличии взаимодействия с окружением суперпозиция разрушается и проявляется то или иное классическое состояние в зависимости от типа взаимодействий. Именно этот физический процесс и называется декогеренцией. Это явление тесно связано с понятием квантовой запутанности и в своей основе подобно потере слаженности волновых колебаний отдельных микрообъектов в результате взаимодействия системы с окружающей средой»¹⁵.

Ж. Зоной сопряжения ИМ и эмпирического мира — ЭМ — выступает особая «буферная зона» — *психосфера*, а сам процесс сворачивания-разворачивания импликативных паттернов¹⁶ — *психосферной медиацией* — ПМ. В психосфере распаковываются паттерны импликативного мира ИМ обретают проявленные формы, осуществляется переход от потенциально бытия к актуальному и рождаются онтологии.

Психосфера, таким образом — это третий мир — расположенный между импликативным и эмпирическим, причастный им обоим и обеспечи-

¹⁵ Фейгин О. парадоксы квантового мира. — М., 2012. — С. 127-128

¹⁶ Терминологическим коррелятом этого процесса на языке КМ является процесс декогеренции рекогеренции квантовых суперпозиций.

вающий между ними медиацию. Заглянуть в ИМ, минуя психосферу, невозможно в принципе. «Субстрат» ИМ – это недоступные человеку в непосредственном восприятии имплицативные паттерны. Доступны лишь *психосферные проекции* этих паттернов, разная степень проявленности которых образует в психосфере шкалу онтологических состояний между лично-эмпирическим *существованием и не-существованием*, т.е. таким имплицативным потенциалом, вероятность воплощения которого стремиться к нулю. Мир психосферных образований разной степени проявленности (объективированности, локализации, эмпирической воплощённости) – это особого рода *субреальность*. ПМ осуществляется *на всех системных уровнях сущего* от мирозлементарно-физического и космологического до биологического и культурного. Разнятся лишь уровни и режимы ПМ.

Сущность различий коренится в *качестве интенциональной энергии*. Последняя, помимо свойств силы, интенсивности и направленности, определяется также и по своей *структурной организации*, степени её «тонкости». Возникновение «коридоров», где действуют более слабые, чем в материнских системах, но более сложно организованные интенциональные взаимодействия, и обуславливает возможность эволюционной динамики как увеличения порядка вопреки всеобщему закону нарастания энтропии.

К примеру, нарастание энтропии в абиотических (неживых) системах, допускает возникновение живой системы, в которой интенциональные энергии слабее, но сложнее по своей структуре. Поэтому они и способны инициировать более высокий темп взаимодействий. Так на фоне общего «вялотекущего» нарастания энтропии, в абиотической материнской системе образуется внутренний эволюционный «коридор», свой локальный темпомир, рождающий дочернюю систему, на время своего эволюционирования «ускользающую» от второго начала термодинамики. Тот же принцип работает и на следующем эволюционном уровне, где материнской системой является уже сама биосистема, а дочерней – Культура.

Подавляющее большинство актов ПМ, вызывающих к существованию те или иные феномены – *рутинны*. Их результатом является воспроизводство уже существующих или существовавших ранее форм в *не эволюционно изменённом виде*. То есть изменения здесь не выходят за рамки флуктуаций, которые во многих случаях столь незначительны, что позволяют говорить об относительно неизменном воспроизводстве. Вообще, степень и характер изменяемости элементов системы, её наличного материала напрямую зависит от степени её сложности и, соответственно, автономности от материнской системы. Чем автономнее и сложнее система, тем большее количество интенциональных импульсов проходит по

прямым и обратным каналам ПМ и тем шире, соответственно, и амплитуда флуктуаций. Тем больше вероятности выхода за пределы флуктуационных изменений и прорыва к изменениям *мутационным*, выраженным в скачковом переходе от одного пакета («куста») имплицативных паттернов к другому. Некоторый сектор такого рода изменений – и есть основание эволюционной динамики.

3. Эволюционные изменения, составляющие количественно ничтожную часть всех инициируемых ПМ изменений, направляются четырьмя неразрывно взаимосвязанными *глобальными эволюционными векторами* (ГЭВ), устремлёнными к наращиванию:

- сложности¹⁷,
- дифференцированности,
- самости/субъектности,
- сжатию темпов и пространства эволюционирования.

Векторы эти возникают не внутри систем: будучи по отношению к ним *трансцендентны*, они проявляются, «прорастают» в их материале и через него. Но формы и структуры в любых системах всегда ограничены и конечны¹⁸. Поэтому ГЭВ не прекращают своего на них давления с целью найти наименее специализированные, ибо высоко специализированные формы эволюционировать неспособны¹⁹. Наименее же специализированные формы «выталкиваются» ГЭВ на следующий эволюционный уровень, где названные устремления ГЭВ достигают своего относительно более полного воплощения. При этом, сама эволюция, не имеющая никаких конечных целей, но имеющая лишь направленность, понимается двояко: как *горизонтальная* и *вертикальная*. Горизонтальная эволюция – путь вписания эволюционирующих форм в системную среду: *адаптация* и *специализация*. Вертикальная эволюция – скачковый прорыв на стадийно следующий уровень самопроявления ГЭВ, не только не совпадающий по своей направленности с задачами адаптации форм, но и, как правило, им противоположный – «перпендикулярный». Локальные прорывы вертикальной эволюции происходят внутри системных матриц – «больших» имплицативных паттернов, глобальные – создают сопряжения систем: материнских и дочерних.

¹⁷ Специальные пояснения по поводу категории сложности см.: гл. 2.

¹⁸ Неприятие человеческим сознанием этой конечности и стремление вырваться за её пределы, породило в монотеизме концепт «формы всех форм» как атрибута божественного Абсолюта

¹⁹ К примеру, в биосистеме, чем уже и сильнее адаптирующая специализации того или иного вида, тем более он уязвим а незащищен в случае спонтанных изменений экосреды. То же и в культуре.

И. Антропогенез/культурогенез – частный случай такого сопряжения: между биосистемой и Культурой. В условиях исчерпания потенциала горизонтального эволюционирования млекопитающих, наименее специализированные приматы оказались самой подходящей формой для вертикального эволюционного прорыва. Поэтому приобретение ими антропных признаков: прямохождение, рост мозга и нек. др. следует объяснять прежде всего, в контексте вертикальной, а не горизонтальной (приспособительной) эволюции. Если в этих ароморфозах и есть некоторой адаптирующий компонент, но он, в любом случае, не является ни главным, ни направляющим. Более того, вертикальный прорыв, «перпендикулярный» нормальному горизонтальному эволюционированию, существенно осложняет адапциогенез, ломая и ломая многие жизненно важные программы и, прежде всего, программы генетического наследования. Ускорение темпов морфогенеза (не говоря уже о его направленности) и «лихорадочная» перестройка экосистемных связей, вместо плавно протекающего в естественных для биосистемы темпах адаптивного эволюционирования, порождает *эволюционную болезнь*. Последняя вызывает широкий набор физиологических и психических дисфункций, которые, впрочем, и оказываются проводником нового системного качества. Важнейшим проявлением эволюционной болезни, обусловившим гоминизацию и культурогенез, стала не просто цефализация, но в особенности – развитие и закрепление на видовом уровне *межполушарной функциональной асимметрии* (МФА). Лишь бисистемный мозг человека оказался способен продуцировать особый когнитивный продукт – *смысл*, что и отличает мышление человека от психической активности животного. Проблеме генезиса смысла автор этих строк посвятил целый ряд специальных работ. Здесь же уместно вкратце остановиться лишь на одном факторе – нейрофизиологическом.

У гоминидных предков человека частично разрушились границы правополушарных перцептивных паттернов, которые обеспечивали адекватность животного восприятия реальности, фильтровали сигналы, исключая из перцептивного поля все модусы вещей, не имеющие отношения к «прописанным» в инстинктах жизненным программам. Эти же границы обеспечивали устойчивую симметрию прямых и обратных медиационных связей с психосферой. Результатом их разрушения стал перцептивный хаос, вызвавший, в свою очередь, набор серьёзных психических дисфункций. Компенсаторное развитие левополушарных когнитивных техник, в результате которого сформировался уникальный, присущий только человеку психо-ментальный алгоритм: диффузные правополушарные паттерны разгештальтируются: сегментируются и дискретизируются левым полу-

шарием. Полученные сегменты, маркируясь семантически, приобретают свойства операциональных единиц, способных комбинироваться в разнообразных когнитивных структурах: линейно-последовательных (присоединительных), иерархических, полицентрических и некоторых других, вступающая между собой в упорядоченные синтагматические отношения.

Нейрофизиологи часто трактуют тему межполушарного взаимодействия механистически и редуccionистски, но саму его природу выявляют достаточно определённно. «Плотная связка нейронов, именуемая *corpus collosum* («мозолистое тело»), соединяет оба полушария мозга, и именно благодаря этому левое полушарие имеет доступ к правому и к процессам, происходящим в остальных частях мозга. Эта связь позволяет левому полушарию забирать материал у правого, уходить с объединенной сцены и распоряжаться материалом самостоятельно: распределять его, анализировать и возвращать уже по новым путям, без учета возможности дальнейших отношений нового образования с существующим целым. Однако левое полушарие связано с передней частью коры головного мозга, а последняя, в свою очередь, теснейшим образом связана с каждым сектором мозга.

Таким образом, левое полушарие поддерживает динамичное взаимодействие с передней частью коры головного мозга, от которого происходят творческая активность и стремление к новизне. Подобные изолированные маневры левого полушария недоступны целостной структуре правого полушария, тесно взаимодействующей с эмоционально-когнитивным мозгом, через который и действует» И далее: «...Подлинное различие между левым и правым полушариями заключается в том, что правое отвечает за усвоение нового материала, тогда как левое является хранилищем полностью развитых структур знания, которые содержат все изученное в твердо устоявшейся форме. Правое полушарие, с его прочными связями с двумя нижними частями мозга, вовлечено в процесс изучения нового. Когда же этот выученный материал в должной степени усваивается, его перенимает на хранение левое полушарие. Оно распоряжается всеми стабильными формами знания, находится в сравнительной изоляции и совместно с передней частью коры головного мозга (лишь недавно развитой четвертой частью мозга) владеет информацией, полученной от правого полушария. Благодаря такому положению, левое полушарие может развивать логические, аналитические, ассоциативные и творческие способности, избегая влияния более примитивных частей мозга.

Следовательно, левое полушарие может функционировать вне ограничивающих условий двух нижних частей мозга, игнорируя коленные рефлексы рептильной системы. Без ограничений, установленных нижними частями мозга, мы сможем выйти за пределы унаследованного, и

наша мысль обретет крылья»²⁰. Речь, однако, не идёт о полном преобразовании правополушарных когнитивных паттернов-гештальтов в линейно-дискретные левополушарные структуры. Результатом сложного межполушарного взаимодействия выступает опять же присущий исключительно человеку синтетический ментальный продукт — *мысль*.

Одним из главных условий смыслового синтеза выступает выработка психикой особой техники *фокусировки* интенциональных потоков на том или ином выделяемом фрагменте исходного правополушарного гештальта. Психические проявления этой техники — воля и внимание²¹ — не просто видовые свойства человеческой когнитивности, но и важнейшие атрибуты человеческого режима ПМ²². Оперирование смыслами позволяет *деконструировать* слишком инертные и громоздкие для нового эволюционного уровня инстинктивные сценарии и открывает немислимые для животной психики возможности комбинирования и синтеза операциональных единиц мышления²³.

Оснащённая такими психическими техниками ментальность человека оказывается способна:

- в режиме автомедиации — оказывать направленное суггестивное воздействие на органы и функциональные системы своего тела;
- направлять и фокусировать интенциональные потоки в определённых точках пространственно-временного континуума.

Благодаря способности к смыслообразованию, эти точки, маркируются *психическими образами* — адресатами партиципационных устремлений. Образы же, в свою очередь, — есть не что иное, как первичная идеальная форма экспликации психосферных потенциалов, рождённых комбинаторными возможностями смыслообразования. Смысловой синтез не только порождает сферу идеального в её привычном понимании, но и отмеряет новый диапазон, в пределах которого, человек способен своими интенциональными импульсами участвовать в декогеренции и рекогеренции квантовых систем. Ментально конструируя смысловые образы существующих налично таковостей, человек создаёт особый тип психосферных потенциалов и, напитывая их своей интенциональной энерги-

²⁰ Пирс. Дж. Ч. Биология трансцендентного. — М., 2006. — С. 18.

²¹ С этим и связано особое значение, которое во всех без исключения культурах придается магическому воздействию взгляда.

²² Интуиции по поводу описанного механизма высвечивались у авторов, исследующих природу сознания. Так ещё в ранней работе К. Ясперса «Общая психопатология» (1913) автор приходит к выводу о том, что: «сознание есть сцена, через которую проходят отдельные психические явления, то сильнее, то слабее освещаемые прожектором внимания».

²³ Собственно, здесь и рождается мышление в полном смысле этого слова.

ей, по возможности «продвигает» их к эмпирическому проявлению. Тем самым, человеческая ментальность включается в сложные процессы, захватывающие квантовые поля новообразованных потенциалов вкупе с их окружением и вовлекает эти потенциалы в *прогрессию онтологизации*.

Напомню, что онтологии вообще не существует. Онтология — всегда для... Онтология для абиотических систем, онтология для биосистемы и, наконец, онтология для культуры²⁴. Здесь онтология может истончаться до полной необязательности физического субстрата. Так, некое событие как факт культуры, к примеру, рождение и реальная биография культовых персоналий и т.п. может и не иметь под собой никакой эмпирической основы, а конституироваться исключительно как культурный миф (в широком, разумеется, понимании). Более того, историко-эмпирический субстрат в своей физической фактичности нередко оказывается избыточным и обременяющим культурно-мифологическое бытие ноуменального мотива.

К. Смысл — дискретное состояние переживающей психики, выраженное в кодах, имеет, помимо семантического, также и генетическое и экзистенциальное измерение. Смысл — первичная операциональная единица человеческой ментальности и самой Культуры/культуры, её структурный первоэлемент. Продуцирование смыслов вооружает человеческий мозг возможностью коммуницировать с психосферой посредством более сложно структурированных интенционально-энергетических импульсов и потоков. В результате, в ИМ и психосфере образуется «надстроенный» над паттернами материнских систем «культурный сектор» — континуум имплицативных пакетов, из которых распаковываются феномены культуры.

Смыслогенез — это не просто критериальный фактор культурирования. Это особый, присущий исключительно человеку способ ПМ. Специфика его состоит не только в более «тонко» и сложно организованной интенциональности, но также и в том, что в результате «эволюционной болезни», человеческий мозг приобрёл ряд особенных свойств:

— быть «принимающим устройством» расширенного по сравнению с животными диапазона интенциональных импульсов и воздействий из ИМ,

— «работать в холономной сфере» (К. Прибрам), т.е. не просто участвовать в квантовых процессах (в них так или иначе вовлечено всё сущее в ЭМ), но и осуществлять *интенциональную индукцию*, т.е. создавать новые имплицативные паттерны и соответствующие им психосферные образования силой ментального акта — концентрации интенциональной энергии посредством *внимания и воли*,

²⁴ Разумеется, судить об онтологии для абиотических и биотических систем мы можем ровно настолько, насколько эта онтология есть так же и онтология для человека.

– изменять, корректировать, направлять содержание и динамику изменений своего организма²⁵ и психики/ментальности посредством интенциональной индукции,

– участвовать таким же образом в формировании «внешней» социокультурной реальности. Грубо говоря, всякий культурный феномен воплощается эмпирически за счёт того, что некая сила направляет в ИМ соответствующий интенциональный импульс-запрос, который при определённых условиях осуществляет декогеренцию определённого набора квантовых суперпозиций (суммы полей) и тем самым «вытягивает» этот феномен из ИМ через психосферу в мир наличного существования. Поэтому человеческая ментальность – не только продукт культуругенеза, но также и агент его перманентного разворачивания.

Л. Сопряжение биосистемы и Культуры осуществляется посредством *конвертации предопределённых видовым кодом* программ животного поведения в осмысленные культурные практики. Суть конвертации заключается в дезинтеграции, «развинчивании» присущих животной психике целостных «сценариев» поведения со всем пакетом их ситуационных вариаций на дискретные и операциональные компоненты, которые, проходя «конвертационную рамку» смыслогенеза, «свинчиваются заново», но уже в качественно ином виде. Это когнитивное новообразование – *смысловая структура*, сохраняет, как правило, изначальное содержательно ядро исходной биопрограммы, но реализует его уже в качественно ином виде, поскольку помещает его в вариативно изменчивый *семантический*, т.е. культурно-смысловой контекст. Это конвертационное преобразование животной когнитивности в смысловые структуры полностью укладывается в динамику давления глобальных эволюционных векторов (ГЭВ)²⁶ – нарастания сложности, субъектности, дифференцированности и плотности эволюционного фронта – на биосистему, преодолевающих недостаточную гибкость и операциональную вариативность инстинктов.

М. Любая эволюционирующая система решает двухуровневую задачу: выработка новых каналов ПМ на путях определения своих взаимоотношений с материнской системой и воплощение ГЭВ в своём материале. Здесь, *фундаментальные задачи человека и Культуры совпадают и сводятся к формированию новой «паутины» связей взамен частично распавшихся природных способов погружения в психосферу*. На путях обретения человеком новых, сверхприродных каналов ПМ, культура вынуждает человека откло-

²⁵ Речь идёт, прежде всего, о недоступных животным возможностях самовнушения и воздействия на физиологические процессы в организме.

²⁶ А.А. Пелипенко. Указ. Гл.1.

нять природные императивы и программы, зачастую связывая усвоение новых партиципационных²⁷ отношений (ценностей) с психологическими режимами переживания боли, страданием и преодолением, символы которых нередко становятся в культуре системообразующими символами.

Н. Культура как система, встроенная в макроэволюционную пирамиду, представляет собой максимально (в относительном, разумеется, понимании) выраженную степень проявленности ГЭВ. При этом одним из главных факторов, определяющих качественно более высокий уровень независимости Культуры от своих материнских систем, является её *имманентная противоречивость* и *двойная субъектность*. Под противоречивостью понимается уже упомянутый во Введении дуализм *культурно-культурного* и *культурно-человеческого* начал, из которой вытекает и дуализм субъектности, которой обладает с одной стороны человек и, с другой, — сама Культура/культура. Постоянно меняющиеся в исторических контекстах комбинации коррелятивных связей между двумя полюсами субъектности создают в ЛКС постоянный источник внутренних противоречий, который и инициирует эндогенный вектор их развития. В этом противоречии коренятся и «вечные проблемы» человеческого бытия в истории. Историческая эволюция — это коэволюция человеческой ментальности и социокультурных форм, в ходе которой и то, и другое проходят ряд системных ароморфозов, качественно изменяющих их конфигурации. Поэтому человек в своём культурном измерении дан не в виде неизменной метафизической матрицы, а в эволюционном ряду культурно-антропологических типов. На этом основании квазинаучная мифологема о культурно-антропологическом единстве человечества решительно отвергается.

О. Если и можно говорить о каких-то универсальных, «метафизических» устремлениях человека как культурного существа, то связаны они, как ни парадоксально, именно с неизбежным порывом к *бегству из культуры* с её дуализмом, экзистенциальной травматичностью и бесконечной пыткой разнообразными формами отчуждения. Достигнутый Культурой/культурами следующий по отношению к биосистеме уровень сложности, дифференцированности и субъектности создаёт острейший конфликт с биологическими основаниями человеческой ментальности, внутри которой этот уровень и достигается. Пока природные основания человека не могут быть элиминированы, ему приходится играть с Культурой в жестокую диалектическую игру по её (Культуры) правилам. Культура манит человека иллюзорной возможностью возвращения в не-дуализованное, холономное, не-выделенное из универсума состояние, задавая ему разнообразные пути *транscендирования*: при-

²⁷ Партиципация — экзистенциальное природнение.

открывая завесу ИМ, точнее его психосферных проекций. Той же цели служит и конструирование культурой религиозных символов, образов Веры и Истины, призрачных идеалов вплоть до эстетических и социально-политических, которые, разумеется, никогда не достигаются в полной мере и не приводят к окончательному единству с миром — *абсолютной партиципации*.

Если исходить из того, что конечные цели для всякой формы (структуры, системы) задаются извне, то можно сказать, что для человека/коллектива они исходят от соответствующей локальной культурной системой (ЛКС). Для самой же ЛКС и Культуры вообще, конечные цели задаются ГЭВ, устремлёнными к сворачиванию и снятию времени и пространства; ведь при всех разногласиях между современными космологическими теориями, все они так или иначе признают, что Вселенная имеет начало и конец. И Культура с её более плотным по отношению к материнским системам пространственно-временным континуумом — одна из ступеней в направлении его окончательного снятия в одном из множества «эволюционных коридоров» Вселенной.

II. Коэволюция ментальных конституций человека (культурно-антропологических типов) и культурно-исторических форм в мейнстриме ГЭВ базируется на динамике изменений режимов ПМ. Именно они и определяют стадияльно-качественные²⁸ характеристики ЛКС и содержание их исторической преемственности. Притом, что медиационная парадигма — МП в рамках смыслогенетической теории — не может быть пока строго доказана²⁹ и потому, гипотетична, она позволяет избежать методологических тупиков, возникающих как при релятивистском отрицании направленности эволюции, так и при её (направленности) провиденциалистском или энвайронменталистском понимании. Иными словами, эвристический потенциал МП в том, что она позволяет нетрадиционным образом трактовать онтологические основания культур в их исторической динамике, объясняя при этой то, что другие теории объясняют неубедительно, либо не объясняют вовсе. То же, впрочем, можно сказать и о смыслогенетической теории в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пирс Дж. Ч. Биология трансцендентного. — М., 2006.
2. Фейнман О. Парадоксы квантового мира. — М., 2012.
3. Brian R. Greene. *The fabric of the cosmos: space, time and the texture of reality*. — N.Y., 2004.
4. Hole F., Heiser R., *Prehistoric Archeology. A Brief Introduction*. — N.Y., 1977.
5. Steward J. Cultural Casuality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilization // *American Anthropologist*. — Vol. 51. — 1949.
6. White L. A. *The Science of Culture*. — N.Y. — 1949.

²⁸ Критерий стадийности определяется в смыслогенетической теории исключительно мерой продвижения тех или иных форм в русле ГЭВ.

²⁹ Точнее сказать, разные разделы МП имеют разный статус обоснованности: от чисто умозрительных гипотез до положений, вполне подтверждаемых фактами.